

ло-Финская ССР (в ее составе – нов. районы, отошедшие к СССР по мирному договору с Финляндией 1940); с 16 июля 1956 – Карельская АССР, с 1991 – Респ. Карелия. С 1992 – субъект РФ, с 2000 – в составе Северо-Западного ф.о.

К. расположена в пределах Балтийского щита. Большая часть терр. холмистая равнина (наиб. выс. 576 м – хр. Манселья) с ледниковыми формами рельефа. Климат умеренного пояса (атлантико-континентальный). Ср. темп-ры февр. от -9 до -14 °C, в июле от 14 до 16 °C. Осадков ок. 500 мм в год. Свыше $\frac{1}{3}$ терр. покрыто хвойным лесом, 18% терр. занимают озера. Природные богатства: лесные ресурсы, гидроэнергетические сурсы многочисл. небольших рек, запасы торфа, железных руд, слюды, строит. и облицовочного камня, сырья для произ-ва твердого щебня.

Соседство с Финляндией и С.-Петербургом, прямой выход в Белое, а через Беломорско-Балтийский и Волго-Балтийский водные пути в Балтийское м., а также на судоходные речные пути Черноморского басс. – таковы выгоды геогр. положения К. Хоз-во resp. имеет индустриальный характер. В структуре валового регионального продукта в 2002 пром-сть составила 36,6%, с. хоз-во – 2,6%, стр-во – 8,2%, транспорт – 12,5%, торговля и коммерч. деят-сть в сфере товаров и услуг – 14,0%. Внешнеторг. оборот resp. в 2002 составил 653,6 млн долл. США, в т.ч.

1. Пищевая пром-сть (12,3%)
2. Пром-сть строительных материалов (3,7%)
3. Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная пром-сть (45,2%)
4. Машиностроение и металлообработка (5,4%)
5. Цветная металлургия (5,0%)
6. Черная металлургия (12,8%)
7. Электроэнергетика (14,1%)
8. Другие промышленные производства (1,5%)

экспорт – 521,6 млн долл. США. Ведущее место в пром-сти занимает лесная, деревообрабат. и целлюлозно-бумажная пром-сть. Развиты пищевая пром-ть, черная металлургия, электроэнергетика. Гл. отрасли с.-х. произ-ва – молочное и мясное животноводство.

КАРЕЛЫ, один из коренных народов на северо-западе Европ. России. Наряду с общим самоназв. – *карьялани* – отд. гр. сохраняют свои самоназв.: К. Ср. и Сев. Карелии и Тверской обл. наз. себя *карьялани* (*kärgälani*), приладожские и олонецкие К. – *ливвикий*, *ливигильяне* (*livviköi*, *livgilaine*), прионежские К. – *люодильяне* (*lyydilaine*). По данным переписи населения 2002 – 93 тыс. чел. Антропологически К. относятся к беломорско-балт. типу европеоидной расы. Незначит., очень древняя монголоидная (лапоноидная) примесь характерна для сев. К. Карельский яз. относится к прибал.-фин. ветви финно-угор. гр. Урал. языковой семьи. Считается, что из древнекарельского яз. возникли ижор. яз., вост. диалекты фин. яз. В карел. яз. имеются балт., герм., славян. заимствования. Совр. карел. яз. значит. наполнен рус. лексикой. Различают 3 диалекта карел. яз.: ливвиковский (вост. побережье Ладожского оз.), людиковский (зап. побережье Онежского оз.) и собственно карел. (Ср. и Сев. Карелия). К последнему относятся и говоры валаамских, тверских, тихвинских К. Предки К. – племена, объединенные этнонимом *корела*, жили на сев. и сев.-зап. побережье Ладожского оз. Широко распространена точка зрения, что древняя корела сложилась в XI–XII вв. на базе местного, зап.-фин. и пришлого из Юго-Вост. Приладожья населения. В новейшее время выдвинута гипотеза о более раннем формировании К. – в 1-й пол. 1-го тыс. н.э. По мнению большинства исследователей, совр. К. сформировались при взаимодействии корелов и весяй (предков совр. вепсов) с участием саамского элемента (лопи).

С эпохи раннего Средневековья политич., социально-экономич. и культурная история К. связана с историей рус. народа, вначале в составе Новгородской земли, с 1478 – в составе Московского княжества. К. обращены в православие в 1227. После раскола рус. церкви в 1666 большинство К. придерживалось разл. старообрядч. толков. С XII в. терр. К. была предметом споров и войн со Швецией. По условиям Ореховецкого договора

1323 к Швеции отошла часть погр. Сев.-Зап. Приладожья с преим. карел. населением. По Столбовскому договору 1617 Швеция получила Ижорскую землю и Корельский у. с г. Корелой. Из захваченных Швецией земель в Россию переселилось ок. 50 тыс. К., образовавших гр. тверских, валаамских, тихвинских и др. К. До нач. XX в. у К. господствовало национальное хоз-во, основанное на трехполье с подсекой (*касхи, пало*). Орудия труда: бесподошвенная соха колового типа с почти прямой рассохой (*адра*), карельский тип мотыги (*куокка*), коса-горбуша, коса-литовка (с 1930-х гг. XX в.), зап. (известные и в Финляндии) и вост. (новгородские) типы серпов, борона-суковатка (*аставо*), цеп для молотьбы с березовым билом и др. Железные плуги и бороны заводского и кустарного произ-ва известны с нач. XX в. Выращивали ячмень, рожь, овес, в юж. районах – пшеницу, повсеместно – репу, редьку, горох. Из технич. культур, за исключ. сев. районов Карелии, известны лен-долгунец и конопля. Огородничество было развито слабо. Картофель (*капохка*) стали культивировать в основном с 40-х гг. XIX в. Крестьянин обеспечивал семью хлебом на 3–5 месяцев в году. В голодающие годы в хлеб добавляли сосновую кору (заболонь), мох. Держали коров, низкорослых лошадей, грубошерстных овец, юж. К. – свиней, в небольшом кол-ве – кур, сев. К. – оленей. Существенную роль играло **рыболовство**. Традиц. рыболовные снасти в основном бытуют и в наст. время: удочки, переметы, остроги, сети, черпальные, в т.ч. сачки, волоковые и ставные невода, дорожки, мережи, морды. Ставными неводами ловили на артельных началах, на закрепленных за семьей местах лова. В древности на реках устраивали заборы (*пато*). Охотились на медведя, лисицу, куницу, горностая, белку, дикого оленя, лося. Использовали луки и стрелы с костяными наконечниками, позднее – самодельные ружья-малопульки, разл. приспособления и ловушки. Охотугодья семьи передавались по наследству. К традиц. занятиям К. относятся бортничество, курение смолы и дегтя. Были развиты бондарный промысел, изготовление изделий из бересты и дерева, у юж. гр. – плетение из соломы, обработка камня. Со ср. веков развито производство железа из болотных руд. Железо плавили в горнах и домашних печах-дымницах. Была известна сварная технология, в т.ч. художественная,

горновая пайка, обмездение, инкрустация. В нач. XVIII в. в Карелии возникли первые кр. металлургич., позднее – чугуноплавильные заводы. С XVIII в. К. занимались отходничеством – заготовкой леса, работали на лесопильных заводах. Для сев. К. характерна торговля вразнос (коробейничество), гл. обр. с финнами.

Традиц. средства передвижения – *лодки*, сани, *лыжи* – узкие дорожные и широкие лесные, обиваемые мехом; сев. К. для ходьбы по болотам использовали ступательные лыжи – «ракетки». До появления упряжного транспорта бытовали ручные сани-волокуши. Специфич. вид транспорта – олонецкая люлька – конные носилки, к-рые крепили к хомутам и седелкам 2 лошадей, шедших в упряжке одна за другой на расстоянии 2 м. У саамов К. заимствовали олений транспорт. Во 2-й пол. XIX в. появились телеги-двуколки, с XX в. – 4-колесные тарантасы.

Традиц. культура К. сходна с культурой вепсов, финнов, саамов, коми-зырян и сев. гр. русских. Карельские деревни (*куля*, *хиеру*) группировались вокруг более кр. поселения, погоста, выполнившего роль адм., торг., религиозного центра. Развитие жилища шло от шалаша (*коду*) и землянки к наземному срубу. Сруб обычно ставили без фундамента, выс. до 21 века, иногда под углы укладывали валуны. Преобладал тип дома-двора в 1-рядной связи на выс. подклете с 3-камерной планировкой. С XIX в. известны пятистенки. Рус. печь в избе – сравнительно позднее явление. В Сев.-Зап. Карелии в нее встраивался сбоку открытый очаг. К печи примыкал вход в подполье (голбец). Устье печи было направлено вбок от входа. Угол перед устьем печи наз. дверным углом, по диагонали от него помещали большой, или Божий, угол. Стол ставили торцом к ср. окну фасадной стены. Вдоль боковой стены под потолком укрепляли балку для сушки белья, сетей и утвари, на ней гнули санные полозья. Рядом с избой ставили узкую горницу с низ. потолком. Хозяйств. помещения (хлев, сенник) находились под одной крышей с жильем. Отдельно ставили амбары на коротких бревнах-сваях, 1- и 2-камерные риги, бани. Сооружали 2-этажные водяные мельницы, у юж. гр. мельницы были ветровые. В Сев. Карелии жилище и хоз. постройки возводили раздельно. В 1-й пол. XX в. распростран. дома-4-стенки ср. размеров на низ. подклете. Помещения стали разбивать на

несколько комнат с отд. кухней. С послевоенных лет дома ставят на цементный фундамент, покрывают дранкой и досками с дорожкой для стока воды, в последние десятилетия – шифером.

Одежда К. отличалась от сев.-рус. только деталями. Древнекарельский женский костюм состоял из длинной туникообразной льняной рубахи и несшитой юбки (*хурстум*) из 3 полотниц полосатого полусукна; иногда она завязывалась не на талии, а на плечах. Позже распростран. рубахи, состоящие из низк. части – станушки, украшенной по подолу красным тканым узором, и верхней – лифа с короткими пышными рукавами. С XVI в. известны сарафаны косоклинного покрова (*косто*) со спинкой до шеи, с круглым воротом с прямым разрезом спереди, застежкой на пуговицах и широкими проймами для рукавов. Этот тип сарафана к сер. XIX в. был вытеснен прямым, собранным по обшивке, с лямками. Женский костюм дополнялся нарукавником – короткой холщовой кофтой с разрезом на спине – и передником. В ряде мест, в основном на юге Карелии, носили т.н. пары – рубахи и кофты с юбкой поперечно и продольно-полосатой расцветки. Надевали мн. украшений: подвесок, бус. Головными уборами девушек были платки и ленты, замужних женщин – платки и под ними повойники. Осн. элементы мужского костюма: холщовая рубаха с прямым или косым воротом, штаны с узким шагом, кожаные или плетеные пояса. Непременные атрибуты мужского наряда – нож в ножнах, бруск и огниво. Характерны шейные платки, шарфы из серой или крашеной шерсти. В XIX в. зажиточные крестьяне носили жилеты поверх выпущенной наружу рубахи с отложным воротником. Верхнюю одежду шили из холста или домотканого сукна (кафтаны, балахоны) и овчины (шубы в талию, туалпы прямого покрова). Были матерчатые, кожаные, шерстяные рукавицы; для ловли рыбы зимой вязали рукавицы из шерсти с добавлением конского волоса. Традиц. *обувь* – берестяная, кожаная, меховая, валяная. Известны лапти косого и прямого плетения. Сев. К. шили сапоги с загнутым носом из оленевой кожи мехом наружу, удобные для хождения на лыжах. Валяную обувь покупали.

Кухня К. сходна с фин., вепс., сев.-рус. Особое место в питании К. занимала рыба – свежая, соленая, сушеная, вяленая. В сев. районах рыбу весеннен-

летнего улова засаливали особым способом, с запахом (весенняя рыба). Из сухой рыбы (сущика) варили супы (*патарок*), из свежей рыбы – уху. Подсоленную или свежую рыбу парили, варили в молоке или запекали в сметане. Приладожские К. на новый год варили мясо-рыбную похлебку (*аатолонко*). Икру запекали, из внутренностей рыбы вытапливали жир, из костей делали муку (добавляли в пойло для скота), из чешуи – заливное. Рыба ценных пород шла на продажу. Варили разл. каши – загусту из рожаной муки, ячневую с мясом, репину с перловкой крупой. Были распростран. молочные продукты – простокваша, творог, домашний сыр, топленое молоко к чаю. Оленье молоко не употребляли. Впрок заготавливали бруснику, клюкву, морошку, чернику, малину. Лакомством для детей была сущеная репа. Изготавливали репный, солодовый, хлебный квасы. Традиция изготовления пива утрачена. К. в основном пекли кислый хлеб. Особые пресные лепешки (хлеб с дыркой) сушивали и хранили на жердях. Повсеместно известны ватрушки и калитки (*калитта*) из кислого теста с картофелем, пшеничной крупой, толокном круглой, удлиненной, 4- или 8-угольной формы, сланцы, рядовики с ячневой, пшеничной, рисовой, манной кашей, постные пироги с ячневой кашей, крендели, заварные хлебцы, пироги с репой, горохом, толокном, грибами, ягодами, блины. Праздничный пирог – закрытый косовик с начинкой из овсяных блинов и пшеничной кашей. Обрядовым блюдом были пирожки из творога (*кабу*).

У К. сохранялась большая семья из 3–4 поколений (до 25 и даже 40 чел.). Глава семьи и хозяйка распоряжались семейным состоянием. Из больших семей выделялись малые. Семьи поддерживали родственные связи. Поддерживался обычай длить гостибы девушек у родственников. Бытовали 2 формы заключения брака: договорной брак, или брак со сватовством, и реже брак уводом, когда девушка выходила замуж прямо с игрища или беседы. Единый свадебный ритуал имел локальные особенности. Свадебная традиция сев. К. более архаична, южнокарел. сходна с русской. Свадьбе предшествовали обмен залогами между женихом и невестой, получение благословения родителей и родственников; родственники с обеих сторон навещали друг друга, просватанная девушка для сбора приданого посещала своих родственников. Собственно свадьба (*мат*) проходила вначале в доме невесты, затем в доме жениха. Свадьба в доме невесты включала баню, встречу свадебного поезда, смотрины невесты, обмен дарами, пиршество, прощание невесты с родней, расплетание косы и расставание с девичьей лентой, выдачу невесты жениху, проводы свадебного поезда. Продолжали в доме жениха: встречали молодых,сыпали их зерном, благословляли, праздновали и готовили послесвадебную баню. Совершали обряды для обеспечения благополучия нов. потомству: повивальная бабка участвовала в обряде окружения невесты, первая брачная ночь приурочивалась к новолунию. Беременной женщине запрещали ходить на кладбище, стричь волосы, смотреть в зеркало, ее оберегали от испуга, ссор и т.д. Приближение родов скрывали даже от близких родственников. Рожали тайно, даже в одиночестве. Для облегчения родов открывали двери, окна, дымоходы. Принимала роды свекровь или повитуха со знахарским опытом и спец. набором оберегов. После родов совершали обряд оберегания матери и ребенка. Роженица входила в дом после специально приготовленной бани. Пеленала ребенка повивальная бабка. В лульке держали разные обереги: коготь или зуб медведя, камешек от пода печи и др. Детей крестили чаще дома, чем в церкви. Поминально-похоронный ритуал К. состоял из обрядов, связанных со смертью и подготовкой к погребению, похорон и поминальных обрядов. По традиции, прощаться с умирающим приходили вся родня, жите-

ли всей деревни. После кончины зажигали свечу, с молитвами окуривали умершего ладаном, плачев начинала смертную причеть. Рот умершего обязательно покрывали лоскутом белой ткани. Покойника держали в избе 3 суток, никогда не оставляли его одного. Хоронили всегда в первой половине дня. После выноса тела стены и пол тщательно обтирали ветошью. Близким родственникам гроб нести не разрешалось. Похоронная процессия останавливалась во всех воротах, перед каждым домом, на развилках дорог. Для последнего прощания гроб с покойником устанавливали на перекинутые через яму колья или лопаты. Место для покойника выкупали медными деньгами. Громкие голосования и плачи сопровождали весь похоронный ритуал. Крест и доску на могилу устанавливали сразу после погребения. На крест вешали полотенце – для отдыха души умершего. Поминки устраивали в доме усопшего. После возвращения с кладбища очищались можжевеловым дымом, мыли руки, прикасались руками к печи. К поминальной трапезе готовили крупяные калитки, рыбники, ржаной или овсяный кисель. Для покойного ставили прибор. Утром следующего дня посещали кладбище. Ливвики и людики из окон дома вывешивали полотенца, как бы протягивая покойному дорожку к дому. Могилу опахивали, окуривали ладаном. На кладбище устраивалась поминальная трапеза. С раннего утра исполнялись плачи. На поминальный обед кроме родни приходили односельчане. Его начинали с *иду* – блюда из проросшей ржи, завершали ржаным или овсяным киселем. Торжественно отмечались поминки сорокового (прежде сорок второго) дня, годовщина после смерти. Поминовению предков посвящались Пасха, Троицкая суббота, поминальная неделя в первые дни ноября.

Календарная обрядность делилась на 2 цикла: зимние и летние обряды. В окт. – нач. нояб. отмечался День кегри – праздник окончания полевых работ и нач. нов. хоз. года, тесно связанный с культом мертвых. В этот день устраивали хождения ряженых. Он знаменовал начало женских работ: обработки шерсти, льна, прядения. Год начинался святками с многодневным праздником зимнего солнцестояния, «поворотных» дней, насыщенных гаданиями, увеселениями, хождением ряженых, ритуальными запретами. Святки завершались

купанием в «иордани» (проруби) для очищения от грехов. В период летнего солнцестояния большое значение придавали гаданиям, обрядам, связанным с баней. Местами устраивались жертвоприношения животных. Были развиты разл. виды декор.-приклад. иск-ва: худ. вышивка – в древности медной и бронзовой проволокой, позднее шелковыми и хлопчатобумажными нитками (известно вышивание по сетке – *поизметт*) с геометрич., антропоморфными, расстит., орнамент. мотивами, локальных – сев. и юж. традиций; изготовление жемчужных и золотошвейных изделий; резьба и роспись по дереву, обработка бересты; ремесла: кузнецкое и ювелирное; с кон. XIX в. – плетение. Юж. гр. знали сложные техники худ. ткачества (одноуточное, многогоремизное, браное двухуточное). Ткаными ромбами, квадратами, звездами украшали одеяла. В Юж. и Ср. Карелии изготавливали красочные лоскутные одеяла. Из контрастных по цвету тряпичных лент делались половики. Резьбой или росписью по дереву юж. гр. украшали орудия труда, предметы домашнего обихода. В росписи сочетались древние элементы (геометрич. фигуры) и более поздний орнамент (свободные кистевые росписи).

В XX в. в регионе возникли нов. отрасли произ-ва (лесозаготовит., целлюлозно-бум., деревообрабат., машиностроение, судостроение, добыча ископаемых и др.). Их развитие вызвало массовый приток инонационального населения. На терр. традиц. проживания К. стали нац. меньшинством. Последовательно сокращалась числ. К., ускорились темпы языковой и этнич. ассимиляции. В результате массовой ликвидации т.н. беспроспективных деревень и сел их общая числ. в Карелии сократилась, усилился отток К. в городские поселения. В 1989 более 61% К. жили в городах. Широкое распространение получили национально-смешанные браки.

В последние годы дети изучают карел. яз. в школе. На карел. яз. издается газета, ведутся радио- и телепередачи, состоялись первые постановки пьес, действует нац. хор и др.

Лит.: Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956; Этнография Карелии // Сб. ст. Петрозаводск, 1976; Происхождение карел. Университет Иоэнсуу, 1977; Косменко А.П. Карельское народное искусство. Петрозаводск, 1977; Коч-

куркина С.И. Древняя Корела. Л., 1982; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983; Семейная обрядность карел. Л., 1985; Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986; Обряды и верования народов Карелии // Сб. ст. Петрозаводск, 1988; Карельский народный эпос. Сер. «Эпос народов СССР» / Сост. В.Я. Евсеев. Л., 1989; Клементьев Е.И. Карелы. Этногр. очерк. Петрозаводск, 1991; Конкка У.С. Поэзия плачи. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

Фольклор К. Особое место занимают эпич. песни-руны, сопровождающиеся аккомпанементом на струнном щипковом инструменте – кантеле. Карел. эпос, его поэтич. стиль (т.н. калевальская метрика – восьмисложный стих с хореической строкой и нерифмованным стихом) – один из древнейших в мировом фольклоре. Осн. сюжеты его (о сотворении мира, открытии огня и железа, начале земледелия и т.д.) сложились в VIII–X вв. Герои эпоса, родоначальники, хранители вековых знаний, творцы мира, огня, орудий труда, кантеле – Ваяньямейнен, мифологич. первообраз – великан Антеро Випунен, кузнец Илмаринен, удалой охотник-воин Лемминкайнен, раб-мститель. На основе эпич. поэзии создан литературно оформленный эпос «*Калевала*», оказавший огромное влияние на развитие фин. лит. яз.

Среди др. жанров распростран. похоронные и свадебные плачи, охотничьи и любовные заклинания, заговоры. В заклинательной поэзии обнаруживаются следы *шаманства*. Известны сказки о животных, волшебные, бытовые. Традиц. сказочные герои – старуха Сюоятар, лесная старуха, Тухкимус – вдова-советница, наделенная волшебными предметами; в отличие от рус. сюжетов гонимая падчерица в сказках К. сама готова постоять за себя и отомстить обидчику. Среди бытовых сказок наиб. распростран. сатирич. сказки о работнике, сказки-анекдоты. Известны легенды, былички, предания о заселении и освоении края, о кладах, богатырях, историч. лицах (Рокаччу, Иване Грозном, Петре I и др.). Бытовали загадки, особенно их было принято загадывать зимой, на святки. Фольклор К., живущих в Калевальском р-не на севере Респ. Карелия (гл. обр. деревни по берегам оз. Куйто), благодаря многовековой изолированности в значит. части сохраняет реликтовые формы.

Первые исследования карел. фольклора относятся к XVIII в. (Д. Юслениус, Г. Маркениус, Г. Портан, К. Ганандер). Важную роль сыграли работы К. Готлунда, С. Топелиуса, Д. Европеуса, А. Алквиста, М. Кастрена и др. Первое издание «Калевалы» (1835) подготовлено Э. Лённротом. Полное издание «Калевалы» вышло в 1849. В 1888 опубл. полный поэтич. перевод «Калевалы» на рус. яз., осуществленный Л.П. Бельским. **Музыка К.** Муз.-поэтич. культура представляет собой стилистически пеструю картину. Это обусловлено этнокультурными особенностями населения, а также взаимосвязями с этносами-соседями. Архаичные пласти культуры К. – племени корела рус. летописей – принято считать общим наследием К., финнов и ижоры. В традиц. культуре К. прослеживаются параллели с традиц. культурами др. прибалт.-фин. народов (эстонцы, водь, ижора, вепсы, саамы, финны), балтов (литовцы, латыши), разл. этнич. гр. русских (поморы, заонежане, пудожане, кенозерцы, псковичи, новгородцы, тверичи). Этнокальвальная культура К. подразделяется на традиции сев., сред., юж., тверских, приграничных К. Существует и др. деление: традиции беломорских (в т.ч. кестеньгских), сегозерских, олонецких, прионежских, приладожских, тверских (в т.ч. тихвинских), финляндских К. (проживают в губ. Сев. Карелия и Саво в Финляндии). В соответствии с диалектами карел. яз. существует подразделение на традиции собственно К., К.-ливвиков, К.-людиков, тверских К. Наряду с эстонцами К. в большей мере, чем др. прибалт.-фин. народы, сохранили древний прибалт.-фин. облик своей муз.-поэтич. культуры. Это гл. обр. рунич. песни, или руны, к-рые наряду с притчами представляют большую ист. и худ. ценность. Рунич. песни (*рунолаулут*) в прошлом были известны почти всем прибалт.-фин. народам. До наст. времени они сохранились лишь у ижоры – малочисл. этноса, проживающего в Ингерманландии (историч. назв. части Ленинградской обл.). Из культурной среды этич. финнов Финляндии они исчезли уже к XVIII в. (были забыты под мощным шведским влиянием). В то же время рунич. песни, сохранившиеся у сев. К., являются общими с финнами наследием, восходящим, очевидно, к эпохе их этич. единства. Тексты карело-финских и ижорских рунич. песен собраны в эпосе «Калевала», составленном фин. фольклор-

ристом Э. Лённротом. Несмотря на включения авторских стихов (ради композиционного единства), «Калевала» дает наилучшее представление о богатой поэтике рун. Большинство карельских вариантов рун записано Э. Лённротом в приходе Вуоккиэми (с 1963 – Калевальский р-н), т.е. там, где архаич. рунич. песни знают и поют до сих пор. Характер древнейших сев.-карел. рунич. напевов (их начали записывать позднее, чем тексты, – со 2-й пол. XIX в.), типологич. сходство их с эстон. напевами, синкретическая связь со стихом свидетельствуют о том, что их происхождение, вероятно, восходит к эпохе прибалт.-фин. языковой общности. Для карел. рунич. традиции характерны: одноголосие, сольное исполнение, повествовательный тон и речитативный характер напева, отсутствие внутрислоговых распевов, небольшой диапазон (большей частью квинтовый), 2-строчная структура напева, чрезвычайно развитая и эмоционально насыщенная текстовая часть (включающая систему аллитераций, богатые метафоры) при внешней яркости и монотонности напева. Архетип рунич. строки – 8-сложный хореический стих (учитывающий долготно-ударную акцентную систему), соответствующий ему 8-дольный ритмически выровненный напев с обязательной остановкой в конце. Тексты не закреплены за напевами, кол-во формульных напевов в целом очень невелико. Одна певица имеет, как правило, 1–2 напева, на к-рых и поет все рунич. тексты. Традиционно рунопение не являлось привилегией женщин. Всеобщую известность среди рунопевцев приобрел А. Перттунен, от к-рого записал многочисл. руны Э. Лённрот (потомки А. Перттунена продолжали традицию рунопения). В рамках рунич. песенности существуют эпич., свадебные, лирич. песни, баллады, заговоры, заклинания. Наиб. устойчивые эпич. сюжеты, восходящие к прибалт.-фин. мифологии (известные также по «Калевале»), – о действиях героя, демиурга Ваяньямейнена, кузнеца Илмаринена, героя Лемминкайнена, героя-мстителя Куллерво (последние особенно характерны для ижорских рун). В заговорах и заклинаниях, к-рые весьма распростран. в быту, – отголоски ритуальных действий и вера в магию слова (напр., «Заклинание рыбы», «Заклинание при выгоне скота на пастьбище», «Заклинание парьильни» из сб. Т.В. Краснопольской, 1980). Рунич. песни, встречающиеся

в Ср. и Юж. Карелии, более распевны и менее строги в отношении метрики. Причтания, или плачи (*иткунт*), отмечает ярко эмоциональная исполнительская импровизация. Причтания сохранились у всех этнич. гр. К., вплоть до сильно ассимилированных приладожских К. (Олонецкий р-н). В отличие от причинаний *веснов* у К. они почти везде бытуют на карельском яз., но К.-людики (прионежские К. и К. с. Михайловского) причитывают и на рус. яз. – под влиянием как русских Карелии, так и веснов. Очевидно, что причетная традиция распространяется только в среде К. – православных христиан. Наиб. широко бытуют похоронные и поминальные причтания, т.к. в быту сохранились и архаичные элементы похоронной обрядности. Традиц. свадебная обрядность практически перестала существовать уже к 1930-м гг., однако в памяти старшего поколения сохранились и сам обряд, и свадебные плачи, к-рые, как правило, исполнялись профессион. плакальщиками *иткеттая*. Есть рекрутские причтания (более поздние по происхождению), причтания на случай встречи, расставания, состояния тоски и одиночества. Первые тексты карел. причинаний были записаны Э. Лённротом в сев.-карел. с. Ругозеро. Наиб. характерная их черта – исключительно развитый метафорич. яз. (табуированию подлежат имена, лица, назв. предметов, явлений, ритуальных действий). В текстах в значит. мере сохранились следы мифологич. мышления (культ предков, магия слова и др.). В целом для напевов характерны нисходящее движение каждой строки, небольшой диапазон, окончание строки «говорком». Немногочисл. архаичные свадебные песни К. сохранились в беломорской и сегозерской Карелии. Обычно это песни-наставления невесте, молодым, песни встречи 2 родов; могут исполняться с рунич. и причетными напевами. Самые известные тексты песен, встречающиеся на всей терр. Карелии, – «Летел орел с Востока» и «Мир ждал новолунья». Для традиции беломорских К. в недалеком прошлом были характерны т.н. *ёйки*, заимствованные из традиц. культуры *саамов*; в карельских ёйках принято различать калевальскую и кестеньгскую ветви. В прошлом ёйки импровизировались, вероятно, почти по любому бытовому поводу, напр. при встрече гостей, пожелании им здоровья, во время гребли на лодке; исполнялись радостно, напористо, в мане-

ре выкрика; в припеве, оканчивающем строфу тирадного вида, встречалось пение фальцетом. В наст. время традиция практически утрачена. Свообразием среди жанров карел. фольклора отличаются выкрики-призывы домашних животных *хухуйя*; в сер. XX в. их записывал фин. исследователь Е. Ала-Кённи в Приладожье и Финляндии. Этот жанр имеет аналоги в эстон. пастушеской традиции; призывы исполняются только женщинами или девушками; текст функциональный, импровизационный, ритмика свободная, звукоряд неустойчивый. Музыка сев. К. в наименьшей степени подвергалась влияниям; в позднейшую эпоху взаимосвязи в основном ограничиваются близкородств. фин. культурой. Фин. песни бытуют на севере Карелии наряду с карел., чему способствует этнич. и языковая близость финнов и сев. К., а также и то обстоятельство, что этнически однородное население издавна жило по обе стороны границы с Финляндией. Это поздние лирич. песни, баллады, а также особый жанр горловых игровых песен *тиирилейки* (букв. круговая игра), к-рый возник во 2-й пол. XIX в. в Финляндии и был принесен сплавщиками леса и коробейниками (в 1930-х гг. – излюбленный жанр в среде ингерманландских финнов; особенности напевов, функционирование жанра отражены в горловом цикле В. Тормиса «Ингерманландские вечера», 1979). Пирилейки – обычно шутливого характера, отличаются легкостью и изяществом мелодики. В Ср. и Юж. Карелии распространяется родственный жанр – карел. лирич. частушки, к-рые бытуют наряду с русскими. Они сформировались на основе т.н. коротких песенок (*люхют пайот*) с медленным, протяжным напевом, рус. частушек, рунич. песен и песен городской традиции. Для песен Ср. Карелии типична более распевная мелодика (изначально нехарактерная для культуры К.), что связано гл. обр. с воздействием рус. лирич. песни. Напр., варианты упомянутых традиц. свадебных песен К. здесь отличаются весьма развитой мелодикой. В Ср. и Юж. Карелии рус. влияние сказалось на характере распевов, ладовом строении, мелодике, в проникновении многоголосия. В свадебной традиции К.-людииков, в меньшей степени сегозерских К. к XX в. закрепились рус. (пудожские, заонежские, свирские) свадебные песни, к-рые исполняются на рус., а с 1930-х гг. и на карел. яз. (в переводах). Рус. песни, в т.ч. город-

ские, бытуют в качестве лирич., но нередко в вариантах, приближенных к карел. мелодике; широко распространяются рус. горловые и плясовые песни, напр. «под кадриль». В беломорской Карелии (с. Лехта, с. Шуйозеро) бытуют многоголосные горловые песни поморов, т.н. утешные, что объясняется давними промысловыми связями К. и поморов.

Среди муз. инструментов К. наиб. известен струнный щипковый цитрообразный *кантелей*. В традиц. виде это небольшой 5-струнный инструмент, к-рый при игре держится горизонтально на коленях (подобный тип инструмента известен у ижоры, води, эстонцев). На нем исполнялись напевы рун, позднее (с увеличением кол-ва струн) и мелодии др. песен, танцевальные наигрыши. В текстах рун отражена роль кантелей как мифопоэтич. символа (напр., сюжет «Вяйнямейн делает кантель»). Среди др. инструментов, ныне практич. вышедших из употребления, – струнный смычковый *йоухикко*, или *йоухи кантель*, деревянные пастушки трубы *лиру* и *торви*.

В 1930-е гг. были организованы колхозные хоры: Петровский (1936, пос. Спасская Губа), Сегозерский (1935, пос. Паданы), Ведлозерский (1938, пос. Ведлозеро), Олонецкий (1935, г. Олонец); песни, частушки, сочиненные в этих коллективах, в значит. части фольклоризовались. Центр изучения муз.-поэтич. фольклора К. – Петрозаводская консерватория.

Лит.: Песни народов Карело-Финской АССР / Сост. В. Гудков, Н. Леви. Петрозаводск, 1941; Карельские народные песни / Сост. и автор вступ. ст. Л.М. Кершнер. М., 1962; Карельская народная песня / Сост. и автор вступ. ст. С.Н. Кондратьева. М., 1977; Карельские причтания / Сост. А.С. Степанова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1977; Песни Карельского края / Сост. и автор вступ. ст. Т.В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977; Карельские частушки / Сост. Т.А. Коски, вступ. ст. Т.В. Краснопольской. Петрозаводск, 1985; Степанова А.С. Метафорический мир карельских причинаний. Л., 1985; Песенный фольклор кестеньгских карел / Сост. Н. Лавонен. Петрозаводск, 1989; Карельские ёйки / Сост. А.С. Степанова, Н. Лавонен, К. Раутио. Петрозаводск, 1993.

Танец К. До недавнего времени считалось, что своей нар. хореографии у К. нет. Танцы К., как правило, имеют пришедшие из России назв.: *шен, круг, кадриль, лансье, король*. Первые

сведения о карельских танцах оставил в своих воспоминаниях Э. Лённрот (1837). Расшифровку старинных полевых мат-лов сделала П. Раусма (Финляндия).

Одна из важных составных частей карел. хореографии – контрудансы (в России этот танец появился в кон. XVII – нач. XVIII в., в царствование Петра I). Слово «данс», т.е. танец, К. из назв. отбросили, приглашали *кижамах контру* – играть контру. С играми танец ассоциировался потому, что, как и игра, имел определенный порядок, правила. Как и игры, контры носили в деревнях массовый характер. Э. Лённрот наблюдал Большую Шинку в Сев. Карелии, на юге – Ристи Контру. Подобным танцам карелы дали и понятные им назв. – Косарейка (большой котел), Капуста (большая поварешка) и др. Все танцы состояли из 2 частей: в одной свойственные контрудансу общие фигуры – круги, шенцы, кресты; в другой – импровизированный парный пляс. На контру выходили до 10 и более пар, исполняли танец под гармошку, а чаще под плясовые песни. Кадриль известна в Карелии с кон. XIX в. (в России – с кон. XVIII в.). Она стала излюбленным танцем сельской молодежи: за вечер танцевать кадриль выходили до 20 и более раз. Без кадрили и сейчас не проходит в Карелии ни один нар. праздник.

В Центр. и Юж. Карелии исполнялась 6-фигурная кадриль, напоминающая салонный рус. танец. На севере танцевали многофигурную кадриль. Салонная кадриль состояла из 5 фигур. Каждая новая начиналась после ритуала – муз. паузы. К. тоже исполняли фигуры с паузами, но если в салонной кадрили каждая фигура была маленьkim самост. танцем на 32–40 тактов, то карел. кадриль, несмотря на паузы, воспринимается как единое целое, ибо танец идет по нарастающей. Только 50-ю фигуру, из-за продолжительности исполнения, можно было бы выделить в самостоятельный танец. В 1850 в Петербурге появился танец лансье. В Карелии он наз. ланцы (Пряжинский р-н), бланцы (Кондопожский р-н), вланце (Прионежский р-н), ланчик (Заонежье). Когда звали на кадриль или ланцы, говорили: «Пойдем походим». Танцы исполнялись на простом вы шагивании. Старые женщины вспоминали, что «нужно было идти ровно, плавно». Ныне в этих танцах дробят и пристукивают ногами. Вальс, к-рый в России танцевали с нач. XIX в., в Карелии стал популя-

рен лишь столетие спустя. После революции, когда прежние «бесёды» вытеснились танцами в клубах, вальс получил распростран. и в Карелии. Он принес нов. и в манеру поведения на танцевальных вечерах: на вальс приглашали только юноши, что затем было перенесено и на прочие танцы. Из бытовых бальных танцев популярны краковяк, тустеп, на севере Карелии исполняли также ойру, енку, раатикко, на юге – «Светит месяц», «Яблочко», в Центр. Карелии – «Коробочку», «Сербирьяночку». В карел. хореографии есть подлинно нар. танец – *кругугу*. Под единым назв. скрываются разные по исполнению танцы. На севере Карелии кругугу ведет *патьнашка* (карельский колдун) либо достойная пара. В круге из Ругозера (Муезерский р-н) одна половина участников движется через центр в затейливом рисунке, др. стоит, затем все происходит наоборот. Кругуга из Падан (Муезерский р-н) идет только по кругу, заканчивают ее одни девушки, хотя их на танец выводят юноши. В Толгуга (Заонежье) в круге только стоят и разговаривают. В др. местах Заонежья кругуги имеют 2 части: «круг завивать» и «кругуга вертится». В Калевальском р-не кругугу также вили из 2 частей. В Реболах (Муезерский р-н) исполняли *ринки* (круг) как бесконечное кружение в парах. В пос. Кестеньга в танце сильна импровизационность. Есть и общие черты: все кругуги начинают юноши. Исполняются они под рус. протяженные песни. Темпоритм песен не совпадает с шагистикой танца, песня как бы существует сама по себе. В Карелии сохранились также кругуги с плясом. Парный пляс возник во время исполнения *пуары* (пары), массовый – в ринки (импровизир. круг). Строгая,держанная манера исполнения, твердая определенная поступь отличают карел. пляс. Назывался пляс *карг* и исполнялся импровизационно.

Совр. фольклорная хореография Карелии связана с именами выдающихся балетмейстеров В. Кононова, создателя вепсского сценич. танца, и Х. Мальми, работавшей на фин. нар. мат-ле. Ими созданы танцы: «Уточка», «Шестерка в тройках», «Кругуга», «Свадебная повозка», «Понюшка табаку», «Карусель», «Летка-енька», «Пирелейки», «Так ткут сукно» и др. *Лит.*: Ивановский Н. Бальный танец XVI–XIX вв. Л.; М., 1948; Васильева-Рождественская М. Историко-бытовой танец. М., 1963; Мальми В. На-

родные танцы Карелии. Петрозаводск, 1978; Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. Петрозаводск, 1985; Мальми В. Истоки карельской хореографии. Петрозаводск, 1994.

КАРЕЛЬСКАЯ БЕРЕЗА, особая форма бородавчатой бересы, характеризующаяся утолщениями на стволе и узорчатой мраморовидной текстурой древесины (темно-коричневые включения на светло-желтом фоне). Встречается разбросанно в лесах Карелии и далее на восток до Урала, а также в странах Скандинавского п-ова. Высоко ценится в производстве мебели, художеств. столярных и токарных изделий, для внутр. отделки зданий.

КАРЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА, Национальная библиотека Республики Карелия, крупнейшее книгохранилище республики. Официальная дата открытия – 15 окт. 1833, когда по предложению олонецкого губернатора А.И. Яковleva была учреждена гор. публичная б-ка (всего 3 книж. шкафа), просуществовавшая ок. 20 лет. В янв. 1860 по инициативе научного-этнографа П.Н. Рыбникова в Петрозаводске вновь открыта публичная б-ка (в 1865 – 887 изданий, 105 читателей). В 1871 в честь посещения Петрозаводска великим князем Алексеем Александровичем она получила наименование Алексеевской. В 1885 фонд б-ки – 4603 экз. изданий, 473 ее читателям было выдано 14 950 экз. книг. В 1918 пожар уничтожил б-ку. Вновь она открылась в 1919 как губ. б-ка-читальня, с 1922 – Карельская обл. б-ка, с 1925 – Карельская публичная б-ка (фонд – 33 855 экз., 4501 читатель). В 1938 кн. фонд – 134 741 экз., 16 946 читателям выдано 299 736 книг.

В годы Великой Отеч. войны б-ке был нанесен значит. ущерб. После освобождения Петрозаводска ее фонд заново сформировали с помощью книгохранилищ Москвы, Ленинграда, др. городов, в 1944 вновь открылась для читателей. К 1950 книж. фонды достигли довоенного уровня. В 1959 б-ка переехала в нов. здание (5,5 тыс. м², проект арх. К.Я. Гутина). С 1991 – Нац. б-ка Респ. Карелия. Фонд (на 01.01.2003) – 1 635 124 экз. Кроме кн., периодич. и продолжающихся изданий он включает спец. виды технич. лит-ры, ноты, карты, пластиинки, печатную графику, рукописи, микрофильмы, CD-ROM, DVD-РОВ и др. Лит-ра представлена на 50 иностр. яз. Число читателей – 47 833 чел.